

Новым явлением в этом направлении стало и утверждение индейско-эскимосской топонимики на карте страны, которое происходит по инициативе местных аборигенных общин и узаконивается провинциальными и федеральными властями. Особенно в этом преуспели эскимосы Квебека, почти все поселки которых на Лабрадоре в 80-е годы сменили англо- или франкоязычные названия на эскимосские: Форт-Шимона на Кууджуак, Пор-Нуво-Кебек (бывший Джордж-Ривер) — на Кангиксуалуджуак, Беллен — на Тасиджуак, Уейкхем — на Кангиксуджуак, Пейн-Бей — на Кангиксук, Саглун — на Саллунит, Порт-Харрисон — на Инукджуак, Пост-де-ла-Бален (бывший Грейт-Уэйл-Ривер) — на Кууджуарапик, Форт-Джордж — на Чисасиби.

В 80-е годы XX в. для очень многих канадских аборигенов родной язык остается одним из основных средств осознания своей принадлежности к коренному населению страны. Причем это осознание принадлежности к единой этнокультурной общности имеет место и среди таких, казалось бы, лингвистически неоднородных аборигенных групп, как, скажем, атапасков. Большинство последних до сих пор продолжают жить в таких условиях, когда их непосредственными соседями являются только носители других атапасских языков и когда они редко слышат какую-либо другую аборигенную речь. Жители соседствующих общин обычно надеются на понимание языка друг друга, если не сразу, то после некоторой практики. В этих условиях, как отмечают М. Краусс и В. Голла, «локальные диалекты и языки важны как символы социальной идентификации, но вера аборигенов, что эти различия даже на относительно больших расстояниях не будут преградой для взаимного общения, дает носителю североатапасского языка отчетливое и гибкое осознание собственного социального мира»¹⁸.

И все же главная тенденция, характеризующая этноязыковую ситуацию среди коренного населения, состоит в ослаблении использования и сохранения аборигенных языков, в языковой ассимиляции в пользу английского языка, что в конкретных условиях Канады отрицательно сказывается на сохранении аборигенными этносами своей культурной самобытности в целом.

¹⁸ Krauss M. E., Golla V. K. Op. cit., p. 69.

М. М. Бронштейн

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
ДРЕВНЕЭСКИМОССКОГО ГРАФИЧЕСКОГО ОРНАМЕНТА
(к проблеме этнокультурной истории Берингоморя
в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.)**

Древнеэскимосский орнамент, выполненный в технике гравировки на изделиях из кости (моржового клыка), давно привлек к себе внимание исследователей. Начиная с первых работ, относящихся к началу XX века, и вплоть до самых недавних публикаций он рассматривается как ценный историко-этнографический источник. «Одной из важнейших и назревших этнографических задач» называет изучение орнамента народов Сибири и, в частности, древнеэскимосского орнамента С. В. Иванов¹.

В конце 1950-х — начале 1980-х годов в научный оборот введен новый обширный материал по косторезному искусству древних эскимосов

¹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 5.

Чукотки². Исключительное художественное разнообразие и массовый характер находок позволяют, на наш взгляд, внести существенные дополнения и коррективы в сложившиеся представления об орнаментальном искусстве древних эскимосов Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. Особая ценность новых данных заключается в том, что подавляющее большинство художественно оформленных изделий из кости обнаружено в хорошо сохранившихся захоронениях, содержащих разнообразный погребальный инвентарь. Таким образом, мы получаем возможность со значительно большей точностью и полнотой установить соответствия между различными типами орнамента древних эскимосов и другими элементами их культуры, что в свою очередь существенно повышает информативность и надежность древнеэскимосского орнамента как историко-этнографического источника.

Этнокультурная история Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э., несмотря на значительное число работ, известна в настоящее время лишь в наиболее общих чертах. Ряд важных этапов формирования и последующего развития этнокультурной ситуации в этом обширном ареале Северной Пацифики на рубеже новой эры остается невыясненным или дискуссионным. Необходимость углубления наших знаний в данной области представляется очевидной. В I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. Берингоморье, включающее в себя острова и материковое побережье Чукотки и Аляски, являлось районом интенсивных контактов различных этнических групп Азии и Америки. Именно в этот исторический период здесь завершилось формирование уникальной материальной и духовной культуры морских арктических зверобоев, активно протекали этнические процессы, приведшие в конечном итоге к появлению ряда современных этнических групп советского и зарубежного Севера — азиатских эскимосов, береговых чукчей, кереков, приморских коряков, эскимосов Аляски.

Этнокультурная история Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. прослеживается на археологических материалах пяти древнеэскимосских неолитических культур, представленных, главным образом, могильниками и остатками жилищ: древнеберингоморской, оквикской, ипиутакской, бирнирской и пунукской. Для каждой из этих культур характерна развитая орнаментальная традиция.

В древнем орнаменте берингоморских эскимосов принято выделять пять самостоятельных стилей, соответствующих перечисленным археологическим культурам — древнеберингоморский, оквикский, ипиутакский и т. д. Новые материалы по орнаментальному искусству древних обитателей Чукотки позволяют во многом по-новому взглянуть на проблему качественного своеобразия данных типологических вариантов эскимосского орнамента.

В Уэленском, Эквенском, Чинийском и других могильниках Чукотского полуострова преобладают погребения носителей древнеберингоморской культуры. Согласно общепринятой точке зрения, отличительной чертой древнеберингоморского орнамента является сложный криволинейный характер узоров. Однако, как показывает наш анализ³, в целом ряде уэленских и эквенских погребений, содержащих такие важ-

² Сергеев Д. А. Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке. — Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. XXXI; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969; Диков Н. Н. Чинийский могильник (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975; Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970—1974 гг.). — В кн.: На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983, с. 206—226.

³ Изучались древнеэскимосские косторезные изделия из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (№№ коллекций — 6479, 6485, 6508, 6519, 6561, 6587, 6588).

ные индикаторы древнеберингоморской культуры как гарпунные наконечники с двумя отверстиями для линия и характерные «крылатые предметы» встречаются многочисленные орнаментальные композиции, в которых наряду с криволинейными присутствуют прямолинейные мотивы. Причем последним принадлежит явно ведущая роль⁴. Отметим также, что криволинейные узоры реже, чем в древнеберингоморском орнаменте, но в целом достаточно часто встречаются в орнаменте ипиутака. Отдельные криволинейные мотивы присутствуют и в других орнаментальных традициях, бытовавших у древних эскимосов Берингоморья. Таким образом, определение древнеберингоморского орнамента как криволинейного представляется нам недостаточно точным. Оно отражает не столько качественные, сколько количественные отличия древнеберингоморской системы орнаментации от иных типологических вариантов древнеэскимосского орнамента. Криволинейность в графическом орнаменте древнеберингоморцев следует рассматривать как тенденцию развития. В свое время на это обратил внимание Г. Коллинз, отмечая нарастание искривленности узоров в поздних стилях древнеберингоморской орнаментации⁵. Этот аспект проблемы имеет, с нашей точки зрения, принципиальное значение. Ниже мы рассмотрим его более подробно.

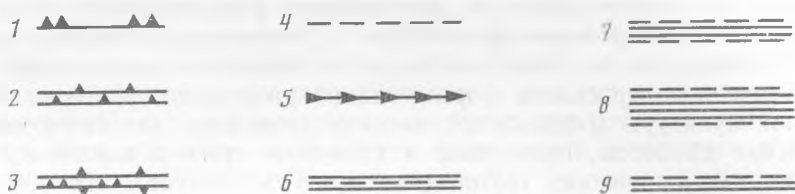

Рис. 1. Основные мотивы древнеберингоморского графического орнамента

Качественное своеобразие древнеберингоморского орнамента заключается, на наш взгляд, в наличии в нем особых микродетализированных элементов, которые либо не имеют аналогий в других орнаментальных системах, либо отличаются по ряду параметров от близких мотивов оквикского, ипиутацкого, бирнирского и пунукского типов орнаментации (рис. 1). Данные мотивы, как показывают проведенные нами числовые подсчеты, являются наиболее распространенными элементами узоров, поскольку входят в состав всех основных частей орнаментальных композиций. Заметим, что мотивы других древнеэскимосских орнаментов, близкие к рассматриваемым элементам древнеберингоморского графического узора, встречаются в своих орнаментальных композициях значительно реже.

Специфически древнеберингоморские микродетализированные орнаментальные мотивы образуют три строго определенные группы, полное совпадение которых на одном и том же предмете исключается. Первую группу составляют узоры из прямых одиночных или двойных линий, обрамленных зубчиками (рис. 1, 1—3). Вторая группа — три разновидности пунктирообразных штрихов (рис. 1, 4—6). Третья группа — три — шесть параллельных линий, из которых две крайние, как правило, прерывистые (рис. 1, 7—9). Таким образом, древнеберингоморский графический орнамент включает три различных стиля (обозначим их индексами D_1 , D_2 , D_3), характеризующиеся выраженным типологическим единством и вместе с тем заметно отличающиеся друг от друга.

Как известно, на существование в древнеберингоморском косторезном искусстве трех стилей орнаментации указывал еще Г. Коллинз⁶,

⁴ См., например, Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры..., рис. 29 (55), 34 (100, 101), 54 (14); *и др.* Проблемы этнической истории..., рис. 35 (16, 17), 59 (8), 84 (4).

⁵ Collins H. Archaeology of St. Lawrence Island. Wash., 1937, p. 47, 82, 96.

⁶ Collins H. Op. cit., p. 46—49, 85—92.

однако впоследствии его схема была пересмотрена, и в настоящее время большинство исследователей выделяют в древнеберингоморском орнаменте два стиля. В значительной степени это обусловлено тем, что в классификации древнеберингоморского орнамента, разработанной Г. Коллинзом, отсутствуют четкие критерии стиля. Стиль 2, например, определяется им как «более сложный и гармоничный», чем стиль 1. Провести графическое разделение стилей 2 и 3, по мнению исследователя, еще более трудно. На приведенных в работе Г. Коллинза рисунках основных мотивов стилей 1 и 2 (стиль 3 автор описывает лишь словесно) ряд элементов совпадает: мотивы стиля 1, помещенные под номерами 12, 17, 19, 20, практически неотличимы от элементов стиля 2—2с, 6, 7а, 8а⁷.

Отмеченные недостатки вполне объяснимы: в 1930-х годах, когда Г. Коллинз разрабатывал классификацию древнеберингоморского орнамента, наука не располагала столь массовым археологическим материалом, каким могут оперировать современные авторы. Предлагаемую в настоящей работе классификацию древнеберингоморского орнамента следует рассматривать как дальнейшее развитие и уточнение схемы Г. Коллинза. Выделяя в качестве основного индикатора стиля определенную группу широко распространенных микродетализированных орнаментальных мотивов, мы получаем возможность легко типологизировать практически любой древнеберингоморский графический узор, причем даже в том случае, если он сохранился весьма фрагментарно.

Стратиграфические данные позволяют установить относительную хронологию различных стилей древнеберингоморского орнамента. Так, в Уэленском могильнике погребение 20(59) — стиль D_1 — перекрывается погребением 19(59) — стиль D_2 ; погребение 2(60), содержащее ряд предметов с орнаментом D_3 , находится над погребением 4(60) — стиль D_2 ⁸. Следовательно, рассматриваемые стили древнеберингоморского орнамента сменяли друг друга в последовательности D_1 — D_2 — D_3 . Этот вывод подтверждают и другие материалы. В захоронениях, содержащих орнамент D_1 , наиболее часто встречаются архаичные гарпунные наконечники (формулы 2A2y2M3 и 2A2x2M3 по классификации С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева⁹); для погребений с орнаментом D_3 характерен гарпунный наконечник, занимающий в эволюционном ряду древнеэскимосских поворотных гарпунов одно из последних мест (формула 1ВУМ). В погребениях с орнаментом D_2 китовые кости, использовавшиеся древними эскимосами для оформления могильных ям, встречаются чаще, чем в захоронениях, содержащих орнамент D_1 . Наиболее часты кости кита в погребениях с орнаментом D_3 . Между тем хорошо известно, что древние культуры эскимосов Берингоморья эволюционировали в целом в сторону возрастания роли китовой охоты.

Сравнительный анализ конкретных погребальных комплексов Уэленского, Эквенского, Чинийского могильников свидетельствует о том, что выявленные орнаментальные стили D_1 , D_2 , D_3 соответствуют в основном трем определенным стадиям древнеберингоморской культуры, которые с известной долей условности могут быть названы ранней, средней и поздней. Радиоуглеродный анализ костных останков из двух погребений Эквенского могильника, проведенный в Смитсоновском институте, дает определенное представление об абсолютной хронологии данных этапов древнеберингоморской культуры. Так, погребение 63, относимое нами к ранней стадии ее развития (этнокультурная принадлежность идентифицируемых на основании данных орнамента уэлено-эквенских погребений указана в прилагаемой таблице), датируется 270 г. до н. э. (2220 ± 65 , SJ—6718). Захоронение 143 начальная фаза поздней стадии древнеберингоморской культуры — имеет абсолютную датировку 205 г. н. э. (1745 ± 75 , SJ—6717). Приводимые даты несколько удревяют

⁷ Ibid., p. 96.

⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры..., с. 38.

⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории..., рис. 34.

древнеберингоморскую культуру, что при сравнении с имеющейся абсолютной датировкой ряда оквикских и ипиутакских памятников представляется нам весьма вероятным. Сопоставление материалов древнеэскимосских могильников Чукотки с археологическими находками на островах северной части Берингова моря и на побережье Аляски позволяет распространить предлагаемую периодизацию древнеберингоморского орнамента на все известные его варианты независимо от районов их бытования.

Определив качественное своеобразие древнеберингоморского орнамента, представленного наибольшим числом памятников, мы получаем возможность значительно точнее установить специфику других орнаментальных традиций, бытовавших у древних эскимосов Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.

Оквикский тип древнеэскимосского орнамента обычно определяется как «более простой, эскизный, неправильный и менее изящный,

Рис. 2. Основные мотивы оквикского графического орнамента

чем сложные криволинейные узоры древнеберингоморья»¹⁰. Наличие в оквикском орнаменте мотивов, имеющих определенное сходство с основными элементами стиля Д₁ и вместе с тем отличающихся большими размерами, упрощенностью формы и не столь изощренной техникой исполнения, послужило Ф. Рейни, С. И. Руденко и целому ряду других исследователей основанием для определения оквикского орнамента как непосредственно предшествовавшего древнеберингоморскому, как ранней стадии в его развитии. Анализ новых археологических данных, их сопоставление с известными ранее материалами позволяют не согласиться с подобной точкой зрения.

В Уэленском могильнике (раскопки С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева) находится не менее 12 погребений, которые по содержащимся в них характерным наконечникам гарпунов с одним отверстием для линия могут быть отнесены к оквикской культуре. В каждом из этих захоронений обнаружены изделия из кости с однотипным графическим орнаментом, отличным от древнеберингоморского и имеющим явные аналогии с орнаментацией оквикских гарпуновых наконечников из Эквенского могильника и других районов Чукотки, а также с частью узоров, обнаруженных на стоянке Оквик на Пунукских островах. Мотивами, обладающими наибольшей частотой распространения и максимальным удельным весом в данных орнаментальных композициях, являются относительно крупные одиночные и парные параллельные и сходящиеся отрезки, двойные параллельные линии, глубоко врезаемые стреловидные изображения (рис. 2). Эти графические элементы, по нашему мнению, следует считать собственно оквикскими орнаментальными мотивами. Отличия их от микродетализированных элементов древнеберингоморской гравировки по кости очевидны. Оба орнамента — оквикский и древнеберингоморский — представляются в свете новых данных вполне самостоятельными, не выводимыми непосредственно один из другого графическими системами.

Новые древнеэскимосские материалы Чукотки включают в себя памятники бирнирской культуры, идентифицируемые по характерным бородчатым наконечникам гарпунов. По нашим подсчетам, в Уэленском и Эквенском могильниках находится 16 бирнирских погребений. Содержащиеся в них графические композиции дают определенное представ-

¹⁰ Rainey F. Eskimo Prehistory: the Okvik Site on the Penuk Islands. N.-Y., 1941, p. 551.

ление об основных мотивах бирнирского орнамента: к ним, на наш взгляд, могут быть отнесены стреловидные узоры и прямые линии, обрамленные треугольниками и косыми штрихами (рис. 3). Обладая определенным сходством с оквикской и раннедревнеберингоморской гравировкой (стиль Д₁), бирнирская орнаментальная традиция обнаруживает достаточно заметные отличия от других типологических вариантов древнеэскимосского орнамента.

Материалы недавних археологических раскопок на Чукотке дополняют утвердившиеся в науке представления о пунукском стиле орнаментации. В эквено-уэленских погребениях, относящихся к пунуку (в каждом из них были обнаружены крупные гарпунные наконечники обтекаемой пулевидной формы), содержатся косторезные изделия, в орнаменте которых преобладают мотивы, близкие к оквикским, раннедревнеберингоморским, бирнирским. Однако, как и в предыдущем случае,

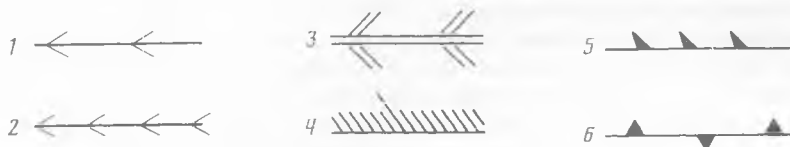

Рис. 3. Основные мотивы бирнирского графического орнамента

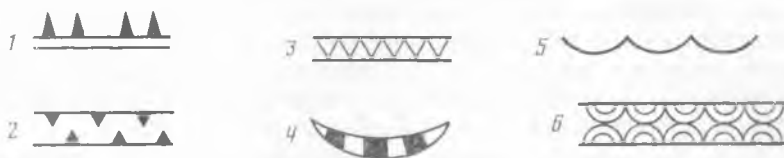

Рис. 4. Основные мотивы пунукского графического орнамента

данные мотивы обладают выраженной спецификой и почти всегда могут быть разграничены с элементами других орнаментальных традиций. В целом, как показывают наши наблюдения, для пунукской гравировки характерны более крупные по размерам мотивы; в орнаменте доминируют прямые линии, но в отличие от оквикского и бирнирского стилей они нередко сочетаются с криволинейными узорами (рис. 4). В пунукских орнаментах Чукотки часто присутствуют зигзагообразные мотивы, почти не встречающиеся в других древнеэскимосских орнаментальных системах, но широко распространенные в традиционном декоративном искусстве современных народов Северо-Восточной Азии (рис. 4, 2—3).

Ипиутакских захоронений и стоянок на Чукотском полуострове не обнаружено. Вместе с тем в ряде древнеберингоморских погребений Уэленского и Эквенского могильников содержатся изделия из клыка моржа, покрытые орнаментом, идентичным наиболее характерным графическим композициям, обнаруженным в Ипиутакском могильнике на мысе Хоп (Северо-Западная Аляска). Основные элементы в этих узорах микродетализированы, их формы явно созвучны древнеберингоморской гравировке. Встречаются в орнаменте ипиутакских косторезных изделий и мотивы, близкие к оквикским. И все же преобладают здесь достаточно своеобразные узоры, состоящие из сочетания двух-трех параллельных линий, нередко обрамленных зубчиками, маленьких концентрических кругов с детально разработанным внутренним пространством, мельчайших Т-образных фигур и т. д. (рис. 5). В целом ипиутакский орнамент является такой же самостоятельной системой, как орнамент древнеберингоморской, оквикской и других древнеэскимосских культур Чукотки и Аляски.

Определив качественное своеобразие типологических вариантов древнеэскимосского орнамента, мы получаем возможность, опираясь на погребения и стоянки смешанного характера, существенно уточнить хроно-

логическое соотношение различных археологических культур морских арктических зверобоев Берингоморья.

Большинство современных исследователей считают наиболее ранними из рассматриваемых культур оквик и ипиутак, наиболее поздними — бирнирк и пунук. Древнеберингоморская культура, согласно этой точке

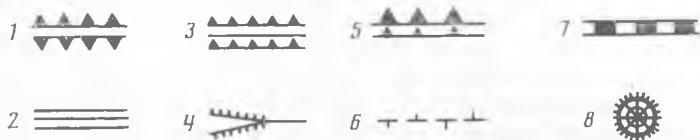

Рис. 5. Основные мотивы ипиутакского графического орнамента

зрения, непосредственно продолжает в Западном Берингоморье оквикскую традицию и предшествует пунуку. В Восточном Берингоморье ипиутак сменяется бирнирком¹¹. Иную позицию занимают С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, рассматривающие древнеберингоморскую, оквикскую и ипиутакскую культуры как территориальные, в значительной степени синхронные варианты единой древнеэскимосской культурной традиции, сложившейся в районе Берингова пролива к концу I тыс. до н. э. Во второй половине I тыс. н. э. на позднедревнеберингоморско-оквикской основе, как отмечают ученые, возникают последующие формы древнеэскимосской культуры — бирнирк и пунук¹².

Изучение новых данных по древнеэскимосскому орнаменту подтверждает основные выводы С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева. Из 16 уэленских и эквенских погребений, имеющих смешанный древнеберингоморско-оквикский характер (здесь и далее раскопки С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева), в одном захоронении наряду с оквикским содержится древнеберингоморский орнамент стиля Д₁, в четырех одновременно присутствуют древнеберингоморские орнаментальные стили Д₁ и Д₂, в восьми — узоры стилей Д₂ и в трех захоронениях орнамент стилей Д₂-Д₃. В материалах Оквикской стоянки на Пункских островах, насколько можно судить по публикации Ф. Рейни, с оквикским орнаментом наиболее часто сочетается древнеберингоморский орнаментальный стиль Д₁, в ряде случаев — стиль Д₂ и только в одном случае — Д₃¹³. Таким образом, у нас есть основания предполагать, что оквик сосуществовал с древнеберингоморской культурой на ранней (возможно, завершающей фазе ранней стадии), средней и начальной фазе поздней стадии ее развития. Верхняя хронологическая граница древнеберингоморья, по всей вероятности, ближе к нашим дням, чем верхняя граница оквика. На это указывает тот факт, что среди 36 уэлено-эквенских погребений, в которых преобладает позднедревнеберингоморский орнамент (стиль Д₃), не обнаружено ни одного предмета с оквикской орнаментацией.

Отдельные изделия из клыка моржа, покрытые ипиутакским орнаментом, выявлены нами в материалах 31 захоронения Уэленского и Эквенского могильников. Из этой группы погребений в одном захоронении наряду с ипиутакским находился древнеберингоморский орнамент стиля Д₁, в одном захоронении одновременно присутствовали орнаменты стилей Д₁ и Д₂, в 7 — Д₂, в 11 — одновременно Д₂ и Д₃ и в 11 — Д₃. Таким образом, основное число уэлено-эквенских погребений с отдельными изделиями, орнаментированными в ипиутакской традиции, датируется средней и поздней стадиями древнеберингоморской культуры.

Хронологическое соотношение бирнирка и пунука с более ранними древнеэскимосскими культурами представляется по данным орнамента следующим. В древнеберингоморских захоронениях Уэленского и Эквен-

¹¹ Bandi H.-G. Eskimo Prehistory. University of Alaska Press, 1969, p. 198.

¹² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории..., с. 184—185.

¹³ Rainey F. Op. cit., pl. 4(3, 7—10), 6(7, 9), 9(3), 12(12), 13(8—9), 17(3, 5, 10), 19(7, 8), 21(6), 23(1), 25(6), 35(3), 36(7, 12).

ского могильников бирнирские и пунукские черты появляются в переходный период от среднего к позднему этапам в развитии древнеберингоморской культуры (15 захоронений). Присутствуют они и в пяти позднедревнеберингоморских погребениях. В семи бирнирских и пунукских могилах Уэлена и Эквена находятся отдельные предметы с древнеберингоморским орнаментом стиля Дз. В шести уэлено-эквенских погребениях бирнирский и пунукский орнаменты соседствуют с оквикской, в восьми — с ипиутакской орнаментальными традициями. В целом, на основании этих данных нам представляется возможным несколько отодвинуть в прошлое время возникновения бирнирка и пунука. Вероятно, значительно более продолжительным, чем принято считать, был период параллельного существования данных культур с древнеберингоморской этнокультурной традицией.

Длительное синхронное существование древних культур Берингоморя позволяет рассматривать их не столько как фазы в развитии единой эскимосской культурной традиции (такой подход характерен для ряда зарубежных исследователей¹⁴), сколько как ее локальные варианты, обладающие в силу определенных экологических и социально-исторических факторов специфическими чертами. К их числу относятся различные типы наиболее распространенных в каждой конкретной культуре гарпунных наконечников, своеобразие графического орнамента и рельефного декора на изделиях из кости, различия в ориентации погребений и характере трупоположения (значительная часть бирнирских погребений скорченные). Все это, на наш взгляд, означает, что носители различных древнеэскимосских культур Берингоморя образовывали самостоятельные этнокультурные и, вероятно, этносоциальные общности, типологически близкие, судя по обширности занимаемой ими территории, племенам или группам родственных племен. При этом отмеченные качественные различия в их орнаментах играли, по всей вероятности, роль этнодифференцирующих признаков. Не исключено, что своеобразие различных вариантов древнеэскимосского орнамента возникло в значительной степени не стихийно, а в результате осознанной деятельности, имевшей целью подчеркнуть единство людей, принадлежащих к определенной этносоциальной группе, и противопоставить их иноплеменникам.

Новые древнеэскимосские материалы Чукотки могут быть использованы для уточнения ареалов отдельных этнокультурных общностей морских арктических зверобоев. Подтверждая известный тезис о тесном взаимопроникновении древнеберингоморской и оквикской культурных традиций, изучение древнеэскимосского орнамента вносит определенные коррективы в представления о культурной принадлежности ряда конкретных памятников древнеберингоморско-оквикского круга. Так, стоянка Оквик на Пунукских островах является, с нашей точки зрения, не чисто оквикской, как принято считать, а оквикско-древнеберингоморской. Орнамент, содержащий типично древнеберингоморские микродетализированные элементы, украшает значительное число обнаруженных здесь гарпунных наконечников и других изделий из кости¹⁵. Несомненно древнеберингоморский характер имеют находки с островов Диомида¹⁶.

Среди погребений Уэленского могильника, поддающихся идентификации, 26 древнеберингоморских, что составляет почти $\frac{1}{3}$ захоронений, содержащих орнаментированные предметы, 11 погребений оквикские, в 10 могилах содержится как древнеберингоморский, так и оквикский орнамент. В Эквенском могильнике, по нашим подсчетам, находится 84 древнеберингоморских погребения. Это составляет около половины могил, погребальный инвентарь которых включает орнаментированные изделия из кости. В 6 древнеберингоморских погребениях Эквена встре-

¹⁴ Bandy H.-G. Op. cit., p. 191—194, 196, 198—199.

¹⁵ В некоторых случаях Ф. Рейни сам обращает внимание читателей на отличия данных узоров от «типично оквикских», называя их либо «уникальными», либо «близкими к древнеберингоморским» (Rainey F. Op. cit., p. 492, 494, 540).

¹⁶ Collins H. Op. cit., pl. 14 (3—6).

чаются отдельные предметы с оквикской гравировкой. Чисто оквикских захоронений в Эквенском могильнике, несмотря на его территориальную близость к Уэлену, не найдено.

Древнеберингоморский (стиль Д₁), а не оквикский орнамент, как это утверждают Х. Ларсен и Ф. Рейни, покрывает наконечник гарпуна из раскопок ипиутакской культуры на мысе Хоп (Аляска)¹⁷. Аналогичным узором украшены обнаруженные там же боковая пронга шатины и ряд других изделий из клыка моржа¹⁸. Оквикский орнамент тоже встречается в археологических материалах мыса Хоп: характерными для оквикской гравировки прямыми глубокими штрихами декорирована известная скульптура моржонка¹⁹. Следовательно, в целом можно констатировать, что область распространения оквиского орнамента перекрывается областью распространения орнамента древнеберингоморского, причем стоянок или могильников, содержащих исключительно оквикские памятники классического вида, в настоящее время не обнаружено. Возможно, в качестве поздней, переходной к пунуку стадии оквика следует рассматривать описанную К. Ямаурой культуру куригитавик, занимавшую небольшую территорию на американском побережье Берингова пролива в районе мыса Принца Уэльского²⁰. Характер орнамента, покрывающего куригитавикские гарпунные наконечники, а также их конструктивные особенности свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу подобного предположения. Дальнейшие археологические исследования, по-видимому, позволят решить этот вопрос более определенно. Однако даже в том случае, если гипотеза об оквикском характере куригитавика подтвердится, это едва ли изменит представления о культуре оквик как о локальном, распространенном на весьма ограниченной территории варианте древнеэскимосской берингоморской этнокультурной традиции.

Изучение новых материалов по древнеэскимосскому орнаменту дает, на наш взгляд, определенные основания для включения в число обитателей северо-восточного побережья Чукотского полуострова наряду с древнеберингоморцами, оквикцами, бирнирками и пунуками отдельных групп носителей ипиутакской культуры. Выше было отмечено, что отдельные вкрапления ипиутакского орнамента присутствуют в 31 узелено-эквенском погребении, что составляет 20% от общего числа поддающихся идентификации захоронений двух крупнейших древнеэскимосских могильников Чукотки.

Формальный анализ типологических вариантов древнеэскимосского орнамента дает дополнительный материал для определения степени сходства различных этнокультурных традиций, существовавших в среде морских зверобоев Берингоморья на рубеже новой эры.

По нашим наблюдениям, в орнаментальной гравировке древних эскимосов могут быть выделены два основных направления. Одно из них связано с преимущественным использованием простых, ясно прочитываемых мотивов — глубоких прямых линий, углов, треугольников, стреловидных фигур (оквикский, бирнирский, в значительной степени пунукский орнаменты, а также орнаменты древнеэскимосских культур Американской Арктики — дорсета и туле). Другое направление предполагает широкое применение микродетализированных элементов — зубчиков, пунктирообразных штрихов, прерывистых линий (древнеберингоморский и ипиутакский орнаменты). Наличие большого числа общих мотивов, в том числе характерного кружка с точкой в центре, сходство ряда композиций и многих технических приемов обработки кости убедительно свидетельствуют о том, что оба основных варианта древнеэскимосского орнамента восходят к единой палеоэскимосской (палеоберингоморской) традиции.

¹⁷ Larsen H., Rainey F. Ipiutak and Arctic Whale Hunting Culture. N. Y., 1948, p. 73, fig. 14.

¹⁸ Larsen H., Rainey F. Op. cit., p. 143, fig. 47; p. 137, fig. 38.

¹⁹ Larsen H., Rainey F. Op. cit., p. 125, fig. 31.

²⁰ Yamaura K., Toggle. Harpoon Heads from Kuringitavik, Alaska. — In: Bulletin of Department of Archaeology. The University of Tokyo, 1984, № 3.

Сопоставление наиболее устойчивых элементов из различных орнаментальных систем древних эскимосов позволяет, на наш взгляд, реконструировать основные мотивы данного гипотетического палеоэскимосского орнамента. Главную роль здесь, по-видимому, играли стреловидные фигуры, удлинненные треугольники (шпоры), двойные параллельные линии, кружки с точкой в центре (рис. 6).

Рис. 6. Основные мотивы палеоберингоморского древнеэскимосского графического орнамента. Реконструкция

Согласно утвердившейся в науке точке зрения, эскимосский орнамент имеет основу, общую для орнамента целого ряда народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. К их числу относятся алеуты, северо-восточные палеоазиаты, атапаски, глинкаиты. Весьма убедительна высказанная недавно гипотеза о генетических связях древнеэскимосского и ымыяхтахского (бурулгинского) орнаментов²¹. Реконструкция основных мотивов палеоэскимосской гравировки конкретизирует представления об этой чрезвычайно архаичной орнаментальной традиции, возникшей, по всей вероятности, еще в то время, когда предки атапасков и эскалеутов находились на северо-востоке Азии.

Изучение различных типологических вариантов орнаментального искусства древних эскимосов Чукотки и Аляски позволяет предположить, что наиболее близки к палеоэскимосской графике орнаменты оквика, бирнирка, а также дорсета и туле. Это сходство объясняется, по-видимому, достаточно разными причинами. Архаичный характер оквикского орнамента может быть связан с субстратными элементами. На наличие таких элементов в оквикской культуре указывал Ф. Рейни²². Свидетельствует об этом, на наш взгляд, и отмеченное Н. Н. Диковым сходство оквика и более древней культуры устья р. Фрэнсер в Британской Колумбии²³. Вероятно, сам факт появления локального оквикского варианта древнеэскимосской этнокультурной традиции — напомним, что ни территориально, ни хронологически оквик, по-видимому, не был обособлен от более мощной древнеберингоморской культуры, — объясняется прежде всего существованием в I тыс. до н. э. в среде морских зверобоев Берингоморья какой-либо этнической группы, сохранившей ряд архаичных культурных особенностей.

Близость к палеоэскимосской орнаментальной традиции орнаментов дорсета и бирнирка связана, по-видимому, с нахождением центров данных культур на периферии эскимосского ареала, что не могло не привести к консервации некоторых архаичных черт. Определенную роль здесь сыграл и фактор адаптации к более суровым природным условиям континентальных районов Аляски (дорсет) и побережья Ледовитого океана (бирнирк).

Несомненную близость с палеоэскимосской традицией обнаруживает и орнамент пунука, однако здесь заметно влияние позднеберингоморского орнамента, достаточно сильно отошедшего от первоначальной основы. Этот «отход» начался в древнеберингоморском орнаменте с появления микродетализированных мотивов, что, весьма вероятно, было в значительной степени вызвано началом использования древнеберингоморцами (и ипиутакцами) железных орудий для обработки изделий из кости. Так, судя по характеру орнаментальных узоров, древнеберинго-

²¹ Арутюнов С. А. (Рец.) Федосеева С. А. Ымыяхтакская культура Северо-Восточной Азии... — Сов. археология, 1983, № 4, с. 257—258.

²² Rainey F. Op. cit., p. 541.

²³ Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979, с. 179—180.

морские погребения 6(59) (Уэленский могильник) и 204 (Эквен), содержащие железные резцы, относятся к ранней стадии культуры.

Вначале мельчайшие элементы древнеберингоморского узора были почти идентичны по форме традиционным мотивам палеоэскимосской графики (стиль Д₁), в дальнейшем они приобретают все большее своеобразие (стили Д₂ и Д₃). Нарастание криволинейности в древнеберингоморском орнаменте свидетельствует, как это не раз отмечалось в научной литературе, о дальневосточных влияниях²⁴. Не принимая роли инокультурных импульсов в эволюции древнеберингоморского орнамента, нам хотелось бы подчеркнуть другой важный фактор, связанный с внутренними процессами — непрерывным этнокультурным, этносоциальным развитием древнеберингоморских эскимосов.

Различные археологические материалы и прежде всего графический орнамент на изделиях из кости свидетельствуют, на наш взгляд, о существовании в древнеберингоморской этнокультурной общности каких-то более мелких субэтнических подразделений. Описанные выше стили древнеберингоморского орнамента Д₁, Д₂, Д₃ не только отражают стадийные этапы его развития — ранний, средний и поздний. Из 119 погребений Уэленского и Эквенского могильников, содержащих поддающийся идентификации орнамент, в 15 захоронениях совмещаются стили Д₁ и Д₂ и в 34 — стили Д₂ и Д₃. Таким образом, 40% от общего числа рассматриваемых уэлено-эквенских погребений относятся к периодам параллельного, синхронного существования различных орнаментальных традиций. Отметим еще одно важное обстоятельство. Среди сотен известных в настоящее время древнеберингоморских орнаментальных композиций практически нет узоров, которые можно было бы классифицировать как переходные от одного стиля к другому. Качественные изменения графического орнамента древнеберингоморских эскимосов носили, по-видимому, дискретный скачкообразный характер и могли быть вызваны существенными этнокультурными и этносоциальными сдвигами в их среде. Микродетализированные мотивы, выделенные нами в качестве основных для каждого из трех стилей древнеберингоморской орнаментации (рис. 1), выполняли, таким образом, этнодифференцирующие, декларативные функции не только на этническом, но и на субэтническом уровне.

Древнеберингоморские захоронения, содержащие однотипный орнамент, обладают заметным сходством и по другим параметрам. Как правило, они концентрируются на определенных участках кладбища, их погребальный инвентарь включает в себя сходные по конструкции и характеру пластического декора наконечники гарпунов, головки гарпунных древков, «крылатые предметы». Общие черты прослеживаются и в таких показателях, как тип захоронения (одиночное или комплексное), оформление могильной ямы (частота наличия каменной и костяной кладок, деревянных перекрытий, подстилок), ориентация погребения. Поскольку данные отличия во многих случаях не являются отражением одновременных фаз в развитии древнеберингоморской культуры, они могут рассматриваться как весомые аргументы в пользу гипотезы об этнокультурной, этносоциальной неоднородности древнеберингоморских эскимосов.

Орнаментальные стили Д₁, Д₂, Д₃ бытовали на всей территории древнеберингоморской культуры, включавшей в себя восточное побережье Чукотского полуострова, острова северной части Берингова моря и, возможно, некоторые районы материкового побережья Аляски. Учитывая обширность данного ареала, мы вправе предположить, что этносоциальные общности, для которых был характерен тот или иной стиль орнаментации, были достаточно многочисленными. Внутри отдельных древнеберингоморских субэтнических образований существовали, по-видимому, более дробные этносоциальные подразделения. На это указывают

²⁴ Окладников А. П. Раскопки на Севере. По следам древних культур. М., 1951, с. 41—42; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры..., с. 171.

черты сходства и различия орнаментальных композиций, относящихся к одному и тому же стилю. К данным этносоциальным подразделениям относятся, по нашим наблюдениям, как территориальные (уэленская, эквенская, чинийская, островная), так и территориально разобщенные группы (уэлено-чинийская, эквено-островная).

Изучение графического орнамента и скульптурного декора на древнеэскимосских изделиях из клыка моржа позволяет высказать некоторые предположения о конкретных причинах этнокультурной и этносоциальной эволюции носителей древнеберингоморской культуры. Начиная со стадии совместного бытования стилей D_1 — D_2 , до начального этапа стадии D_3 , самым распространенным мотивом в древнеберингоморском графическом орнаменте и скульптурном декоре является мотив антропоморфной личины и голов морских животных, служивших древним обитателям Берингоморья объектами охоты. Выдвижение данного орнаментального мотива в качестве основного, по-видимому, означало, что древнеберингоморскими эскимосами сделан новый шаг в сторону дальнейшей специализации на морском зверобойном промысле, приведший к определенной трансформации их духовной культуры. Не исключено, что в их среде возникли промысловые союзы, объединявшие охотников на морских животных.

Изменения в хозяйственной деятельности, социальной организации, материальной и духовной культуре древнеберингоморских эскимосов ускорились за счет интенсивных контактов с другими эскимосскими общностями. Судя по материалам орнамента,—выше мы приводили данные об уэлено-эквенских погребениях, содержащих предметы с различными типами орнаментации,—такие контакты, включая, по-видимому, миграции, имели место на протяжении всей истории древнеберингоморской культуры. Социально-экономическими предпосылками этих устойчивых межгрупповых связей были, по-видимому, особенности морского арктического зверобойного промысла, заставлявшие охотников постоянно перемещаться в поисках новых мест охоты, а также вызванная относительной немногочисленностью всей древнеэскимосской этнокультурной (этнолингвистической?) общности²⁵ необходимость поисков брачных партнеров. Наличие значительного числа древнеберингоморских погребений с различными типологическими вариантами древнеэскимосского орнамента указывает, на наш взгляд, на сравнительно частые нарушения эндогамности отдельных этнических групп древних эскимосов Берингоморья.

Сходные причины, по-видимому, вызвали и сам процесс разделения палеоэскимосской этнокультурной общности на локальные этнические группы. Важнейшей экономической предпосылкой этнокультурной дифференциации древнего населения Берингоморья явилось развитие морского зверобойного промысла, формирование его экологически обусловленных вариантов. Хозяйственная специализация древних эскимосов, последовательное освоение ими все более удаленных районов арктических побережий, постепенное увеличение численности морских зверобоев, усложнение социальной структуры древнеэскимосского общества, различные по своему происхождению инокультурные импульсы и субстратные напластования приводили к этносоциальному обособлению отдельных групп населения, к оформлению самостоятельных этнических традиций.

В целом, анализ древнеэскимосского орнамента и сопоставление полученных выводов с результатами изучения других археологических источников позволяют, на наш взгляд, выделить в этнокультурной истории Берингоморья I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. следующие основные этапы.

1. Разделение палеоберингоморской древнеэскимосской этнокультур-

²⁵ О предполагаемой численности древнеберингоморских эскимосов Юго-Восточной Чукотки см. *Крупник И. И.* Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова.— В кн.: На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983, с. 90—91, табл. 2.

ной общности на ряд локальных образований, в том числе на раннедревнеберингоморскую и оквикскую этнические группы. Вероятно, первая половина I тыс. до н. э.

2. Переселение части носителей раннедревнеберингоморской традиции в район мыса Хоп (Аляска) и образование в результате слияния с местным населением ипиутакской этносоциальной общности. Середина I тыс. до н. э.

3. Активные контакты между древнеберингоморской, оквикской, ипиутакской этносоциальными группами; этноразделительные процессы в среде древнеберингоморских эскимосов. Конец I тыс. до н. э.— начало I тыс. н. э.

4. Трансформация оквикцев и, возможно, части древнеберингоморцев в куригитавикскую, бирнирскую и пунукскую этносоциальные группы; растворение ипиутакцев в бирнирско-пунукской среде; параллельное существование позднедревнеберингоморской этносоциальной группы с носителями бирнирской и пунукской этнических традиций. Середина I тыс. н. э.

5. Вхождение позднедревнеберингоморцев, а затем бирнирцев и, вероятно, куригитавикцев в пунукскую (туле-пунукскую) этнокультурную общность, ставшую впоследствии основой для формирования эскимосов Чукотки и Аляски и вошедшую в качестве субстрата в состав северо-восточных палеоазиатов: береговых чукчей, керексов и, возможно, приморских коряков. Вторая половина I тыс. н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

УЭЛЕНО-ЭКВЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ *

[раскопки С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева]

I. Древнеберингоморская культура

1. Погребения, содержащие косторезные изделия с орнаментом стиля Д₁.
Уэленский могильник: 15(59)^ч, 16(59), 17(59), 20(59), 23(59); Эквенский могильник: 25, 37—38, 47, 63, 83.
2. Погребения, содержащие косторезные изделия с орнаментами стилей Д₁ и Д₂.
Уэленский могильник: 14—15(58), 6(59)^о, 10(59), 18(59)^{о,ч}, 18a(59)^о.
Эквенский могильник: 34?, 35, 40, 42, 68, 202?, 203?, 204^о, 206?
3. Погребения, содержащие косторезные изделия с орнаментом стиля Д₂.
Уэленский могильник: 1(55)^ч, 2(55), 3(58), 4(58), 5(58)^о, 7(58), 7(59), 8(59)^о, 9(59)^о, 19(59), 22(59)^ч, 3(60)?, 4(60)^о.
Эквенский могильник: 7^о, 28^ч, 29, 57^{ч?}, 59^{ч?}, 71^ч, 88, 113^о, 121, 130^{о,ч}.
4. Погребения, содержащие косторезные изделия с орнаментами стилей Д₂ и Д₃.
Уэленский могильник: 5(57), 12(58)^{о,б-н?}, 24(58)^ч, 2(60).
Эквенский могильник: 10—112^{о,ч}, 152^{н?}, 16?, 17, 18^н, 49, 54, 95, 102, 132, 133, 136, 137^{о, ч, б-н?}, 140^{ч, н?}, 141^{ч, н}, 143^н, 147, 154, 168, 169^{б-н?}, 170—171^н, 182?, 183—184^{ч?}, 185?, 186^н, 187^н, 188?
5. Погребения, содержащие косторезные изделия с орнаментом стиля Д₃.
Уэленский могильник: 8, 9, 10, 11(57)^ч, 13, 14(57), 26(59)^ч.
Эквенский могильник: 3, 4^{ч?}, 56^{б-н?}, 6?, 9, 12, 43^ч, 44^{ч?}, 45, 46, 52^н, 53^ч, 55^{ч,н?}, 56^{ч?}, 92^н, 103, 115, 148^{ч?}, 149^{ч?}, 150, 151?, 152?, 157, 161—162, 173, 176, 177?—178?

II. Оквикская культура

Уэленский могильник: 7(57), 18(57), 19(57), 20(58)^{о,ч?}, 22(58)^н, 1(59)?, 2, 3(59), 4(59)?, 5(59)?, 12(59)?, 13(59)?.

III. Бирнирская культура

Уэленский могильник: 3(57)?, 4(57)^{о,ч,н?}, 6(57), 17(57)^{о,н}.
Эквенский могильник: 8?, 62, 67?, 123^{о?}, 125^{о?}, 126^{о?}, 135^{о?}, 153, 163, 167, 189, 205.

IV. Пунукская культура

Уэленский могильник: 1(57)^{о,ч?}.
Эквенский могильник: 14?, 99—100, 114, 129, 139^{о?}, 144?, 155—156^{о?}, 158.

* Условные обозначения к отдельным косторезным изделиям: б — с бирнирским орнаментом; о — с древнеберингоморским орнаментом; ч — с ипиутакским орнаментом; о — с оквикским орнаментом; н — с пунукским орнаментом.